
**СПОР ОБ ОТНОШЕНИИ ВЫРАЖЕНИЯ «А И НЕ А»
К ДИАЛЕКТИЧЕСКОМУ ПРОТИВОРЕЧИЮ
В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
70–80-х гг. XX в.**

Н.И. Стешенко
Южный федеральный университет

Аннотация: *Этот спор велся между сторонниками и формальной и диалектической логики. Выражению «А и не -А» в литературе указанного времени придавалось три значения: 1) «А и не -А» — диалектическая формула, представляющая собой абстрактный и самый точный образ диалектического противоречия; 2) «А и не -А» есть формально — логическое противоречие; 3) «А и не -А» есть антиномия, где «А» переменная для некоторого высказывания. В статье этот спор проанализирован частично, т. е. с гносеологической точки зрения, логические же свойства выражения «А и не -А» в статье не обсуждаются. Детально анализируются различные определения диалектического (предметного — другое название) противоречия.*

Ключевые слова: *формальное противоречие, диалектическое противоречие, антиномия, формальная логика, диалектическая логика.*

Вводные замечания

Я исхожу из того, что рано или поздно придёт время, когда начнётся систематический анализ отечественной философской литературы советского периода. Я выбрал в качестве анализа одну из наиболее дискуссионных тем того времени — спор между сторонниками диалектической и формальной логики относительно гносеологического и логического статуса антиномических суждений («антиномии-проблемы», «антиномические противоречия», «противоречия-антиномии» — другие названия), имеющих грамматическую форму «А и не — А».

Спор сторонников формальной и диалектической логики в в 50–60 гг. очень детально описан Бирюковым Б.В. [Бирюков 2003] Как он отмечает: «Одним из главных пунктов, по которому происходило размежевание сторонников научной логики и «диалектиков» было отношение их к противоречиям — как в мышлении, так и в реальном мире. В частности, предметом дискуссии был вопрос о логическом и диалектическом (без кавычек) статусе закона противоречия. Этот закон в современной логической литературе часто называют «законом непротиворечия...» [Там же:71].

Как собственно понимались формальная логика, закон непротиворечия и формально логические противоречия сторонниками диалектической логики?

Приведу ответы на эти вопросы, ссылаясь на рассматриваемую работу Б.В. Бирюкова. Формальная логика понималась как «низшая», «элементарная» (В.И. Черкесов, М.Н. Алексеев) по сравнению с диалектической логикой, а сама формальная логика сводилась к традиционной силлогистике. Польза классической математической логики — как разновидности современной символической логики — для решения научных проблем или обсуждения философски значимых проблем, например апорий Зенона, сторонниками диалектической логики не понималась. Закон запрета противоречия, по мнению сторонников диалектической логики, может запрещать только «абсурдные» противоречия, противоречия «путаного рассуждения». Другими словами, этот закон не рассматривался как фундаментальный закон познания, которого, например, вынуждены придерживаться физики, химики, математики. Э.В. Ильенков полагал, что если противоречия возникают в результате движения мысли «по логике фактов», то они не имеют логического характера. Что такое «логика фактов» не ясно, скорее это некоторая метафора.

От себя добавлю, если допустить, что «логика фактов» есть некоторая разновидность диалектического исследования некоторых предметов, тогда возникает ряд вопросов. Как выражаются в языке те противоречия, которые возникают в результате движения мысли «по логике предмета», как они соотносятся с формальными противоречиями и с диалектическими (предметными) противоречиями, как, наконец, последние выражаются в языке?

В 70–80 гг. спор между сторонниками диалектической логики и формальной (символической) велся по поводу гносеологических и логических свойств высказываний, имеющих грамматическую форму «А и не-А». Выражению «А и не -А» придавались различные значения: 1) «А и не -А» есть формально-логическое противоречие; 2) «А и не -А» — диалектическая формула, представляющая собой абстрактный и самый точный образ предметного противоречия; 3) «А и не -А» есть антиномия, где «А» переменная для некоторого высказывания.

Замечу, что известные отечественные логики в дискуссии 70–80 гг. о гносеологических и логических свойствах выражения «А и не-А» участия не принимали. В статье этот спор анализируется частично.

Для полного анализа этого спора уместно дать ответ на два логических вопроса: «Совместима ли формулировка антиномий, имеющих грамматическую форму «А и не А» с принципом непротиворечия?» и «Совместимо ли «А и не А», интерпретируемое как суждение о переходе противоположностей с принципом непротиворечия?». Для ответа на эти вопросы общефилософских рассуждений гносеологического характера недостаточно: необходимо привлекать логические системы¹. Иначе говоря, в статье опускается обсуждение логического аспекта соотношения выражения «А и не А» и объективного (диалектического, предметного — другие названия) противоречия.

Истоки трактовки выражения «А и не-А» как некоторого образа диалектического противоречия лежат в философии Гегеля. Также и трактовка «А и не-А» в качестве антиномий имеется у Гегеля. В частности, такой вывод можно сделать на основе использования Гегелем конъюнкции (союза и) в высказываниях о парадоксах Зенона, как, например, в таком: «... двигаться означает быть в данном месте и в то же время не быть в нем, — следовательно, находиться в обоих местах одновременно» [Гегель 1974: 282]. Наконец, по грамматической форме выражений типа «... двигаться означает быть в данном месте и в то же время не быть в нем», заменив в нем дескриптивный термин переменной (т. е. получив «А и не-А»), некоторые философы — сторонники диалектической логики — делали вывод о том, что такого рода высказывания являются формально — логическими противоречиями.

¹ Для ответа на указанные вопросы я использовал релевантную логическую систему Р. Раутли и логику направленности изменения Р. Роговского: Стешенко 2017.

Если говорить в общих чертах, не останавливаясь на деталях, то основная претензия диалектической логики к формальной сводилась к следующему. Окружающий мир — природа, различные сферы общества — наполнены противоречиями, которые, согласно марксистско-ленинской диалектики, являются источником развития окружающего мира, тогда как в формальной логике закон запрета противоречий не позволяет изучать противоречия окружающего мира.

Но аргументация, которую использовали сторонники диалектической логики, носила, скорее, идеологический оттенок, так как высказывания классиков марксизма ленинизма о диалектике и формальной логике, а также истолкование философии Гегеля в духе тех же классиков воспринимались как утверждения, которые нельзя подвергать сомнению, критиковать, их можно было только интерпретировать. С другой стороны и философы, которые защищали формальную логику в споре с представителями диалектической логики, также не могли выйти за пределы марксистско-ленинской диалектики, не могли подвергать сомнению или критике основополагающие положения классиков о самой диалектике, диалектике процесса познания. Такое некритическое отношение к наследию классиков есть частный случай более общего процесса, который можно назвать идеологизацией диалектики.

Сегодня кажется удивительным, что столь трепетные отношения к наследию классиков вообще и к диалектике в частности — цитирование и комментирование — было нормой того времени. Но такова была идеологическая реальность — все объяснять, все предсказывать, все показывать посредством учения марксизма-ленинизма.

Идеологизация диалектики Семантические свойства категорий

Вначале проанализируем в весьма общих чертах те имманентные свойства законов и категорий диалектики, которые превратили ее в служанку государственной идеологии.

Принцип партийности — канал подчинения диалектики государственной идеологии, звено, соединяющее политическую среду функционирования диалектики с теми свойствами законов и категорий, которые превратили диалектику в средство теоретического обоснования практикуемой советским государством идеологии. Классический принцип партийности, требующий на уровне философского текста проведения различия между материализмом и идеализмом, модернизируется и понимается как партийный заказ на категориальное обоснование уже принятых политических решений и идеологических установок.

В мировоззренческом плане законы и категории диалектики задают угол зрения в виде всеобщих схем-систем, которые дают возможность совокупному идеологу классифицировать процессы, происходящие в экономической, социальной, политической, духовной сферах на необходимые и случайные, возможные и действительные, причины и следствия и т. д. и объяснять общий механизм и направленность изменения процессов. Термин «совокупный идеолог» обозначает здесь связанную с политической властью иерархию организаций, направляющих и контролирующую идеологические процессы. Однако картина социального мира, сформировавшаяся в результате социально-идеологической деятельности по наполнению категорий конкретным содержанием, может оказаться ложной (перевернутой): необходимое в действительности предстаёт в ней случайным, следствие — причиной, возможное — действительным, сущность — явлением, единство противоположностей — их борьбой и т. п. Такая картина создаётся не непосредственно, а через усвоение сознанием содержания эквивалентов диалектических категорий, функционирующих не в философских, а в экономических, политических, юридических и других знаниях о социальной действительности.

Понятие «эквиваленты диалектических категорий» весьма условно и предназначено для выделения однотипных ситуаций использования категориальных терминов в частнонаучном знании о социальной действительности. Достаточно полное описание однотипных

ситуаций, по-видимому, достижимо в результате исследования типа контент-анализа и семиотического исследования соответствующих текстов. Отметим только некоторые ситуации, используемые в дальнейшем:

а) прямая индексация социальных явлений какими-то категориями, как, например, в выражениях «советская культура социалистическая по содержанию и национальная по форме, «диалектическое единство личности и общества»;

б) прямая индексация социальных процессов общим термином «диалектика», создающая при определённых организационно-идеологических предпосылках простор для неконтролируемого научным сообществом использования категорий и цитат, например, в формулировках «диалектика современной эпохи», «диалектика политической жизни»;

в) функционирования в текстах эквивалентов диалектических категорий в неявном (т. е. без употребления категориальных терминов) виде, среди которых наиболее распространённым является случай выделения противоположностей посредством экономических, политических, юридических и других понятий.

2. Укажем на некоторые «внутренние» свойства категорий, преимущественно парных, которые использовались совокупным идеологом при формировании перевёрнутой, искажённой картины социального мира.

2.1. Неопределённость отношения именованная категориями процессов и явлений действительности — одно из свойств категорий, активно используемые совокупным идеологом. На «лбу» того или иного явления (например, культ личности) не написано, является ли оно необходимым или случайным, в каких-то отношениях случайным, в каких-то необходимым. Тот или иной процесс может получить однозначное категориальное имя в результате рефлексивной деятельности философии над результатом объективно-истинных исследований действительности. Экономическое и политическое положение совокупного идеолога позволяет ему формулировать гипотезы, упреждающие научные исследования: «нечто — необходимо», «нечто — случайно», «что-то — возможно», и т. п. Упреждающие гипотезы приобретают статус целевых установок относительно конкретно-научных исследований социальной действительности и становятся нефальсифицируемыми, если дозировать информацию, подбирать соответствующие, правильные для упреждающей гипотезы факты, запрещать формулировку менее общих (на языке историка, политэконома, юриста, политолога, социолога, культуролога) противоположных гипотез, применять организационно-силовые приёмы.

2.2. Основой софистического использования категорий диалектики в формировании социальной картины мира является неопределённость (на уровне учения о категориях) того, что обозначается ситуативными характеристиками типа «при определённых условиях», «при некоторых условиях» возможность превращается в действительность, случайность в необходимость и т. п. Выявления состава «определённых», «некоторых» условий есть функция непредвзятых специально-научных исследований социальной действительности. Так сказать право совокупного идеолога на выдвижение упреждающих гипотез, а также его репрессивные возможности, закрывают путь к объективным исследованиям.

2.3. В содержании парных категорий (т. е. в отношениях между парными категориями) отражены исследованные к данному времени различные существенные связи между фрагментами реальности, которые обозначаются (именуются) терминами «возможность» и «действительность», «необходимость» и «случайность», «сущность» и «явление», «диалектические противоположности», «причина» и «следствие», «форма» и «содержание» и др. Ввиду всеобщности категорий в их содержании отсутствуют имманентные признаки применимости того или иного отношения между парными категориями в анализе конкретно-исторических процессов в обществе.

Так, между объективно существующими диалектическими противоположностями, если исследователь придерживается диалектико-материалистической методологии, имеется по меньшей мере три типа взаимосвязей, выраженных понятиями: «единство противоположно-

стей», «борьба противоположностей», «равновесие противоположностей», но признаки применимости того или иного варианта между противоположностями в анализе противоречий, например в экономической сфере, должны определяться экономическими науками. Политические эквиваленты второго и третьего отношения между диалектическими противоположностями соответственно представлены выражениями «углубляющий конфликт между социализмом и капитализмом», «баланс интересов противоположных систем». Выбор категорий того или иного отношения между парными категориями может диктоваться политической конъюнктурой и стратегическими установками совокупного идеолога, а не потребностями объективного анализа отношений между двумя системами в терминах понятий той или иной гуманитарной дисциплины.

Обнажённым примером идеологизации применения категорий к анализу процессов социальной действительности представлено выражением «советская культура социалистическая по содержанию и национальная по форме». Культура интерпретировалась по двум параметрам, а именно: идеологическому, который задавался господствовавшими представлениями о социализме, и философскому, который утверждал ведущую роль содержания над формой в отношениях между содержанием и формой. Вследствие этого категории выполняли не свойственную им функцию по обоснованию идеологически-пропагандистской отбраковки явлений культуры. Все то, что не входит в «прокрустово ложе» представлений о социализме как содержании культуры, объявлялось националистическим проявлением культуры. И никакие научные усилия литературоведов, искусствоведов, культурологов, историков не в силах опровергнуть данное обоснование до тех пор, пока не изменится представление о социализме или пока он не исчезнет. Закреплённые совокупным идеологом имена долгосрочно незыблемы, хотя нет никаких смысловых запретов на противоположное именование, т. е. выраженные, например, в художественном произведении национальная среда, колорит, обычаи, традиции, мировоззрение вполне допустимо назвать содержанием, а капиталистически или социалистически условия поименовать формой. Но обратное именование парными категориями не могло бы выполнить идеологически — пропагандистскую функцию.

2.4. Темпоральная неопределённость содержания категорий — основа построения догматических схем познания и использования их в сугубо идеологических целях. Мышление через взаимоисключающие противоположности — ключевая черта общественного сознания первых лет социалистического государства: буржуазное государство — пролетарское государство, буржуазная культура — пролетарская культура, буржуазная мораль — пролетарская мораль и т. п. Эта черта мышления в дальнейшем гипертрофируется и становится теоретической схемой формирования образа врага, идеологических стереотипов и ярлыков, черно-белого мировоззрения. Схема обрастает плотью обоснований, оценок, понятий общественных и гуманитарных наук. Человеческая субъективность от пяток до темени пропитана оппозициями типа: мы-они, наше — не наше, товарищ — враг, хорошее — плохое, прогрессивное — реакционное, истинное — ложное и др. Обратной стороной мироощущения, мировосприятия, миропонимания является отождествления нетождественного: интерпретация теории отождествляется с теорией, государственная собственность — с общественной, социальное происхождения — с определёнными качествами человека, аппарат — с организацией, мысли человека — с человеком, «я» — с «мы», нетерпимость — с принципиальностью, индивидуальность — с индивидуализмом и т. д.

Таким образом, неопределённость отношения именованного, неопределённость обозначения ситуативных условий, многовариантность отношений между парными категориями, темпоральная неопределённость между парными категориями — вот те семантические свойства категорий, которыми злоупотребляет государственная идеология с целью создания идеологизированных эквивалентов диалектических категорий.

Диалектическое конструирование социальной реальности

1. Эквиваленты диалектических категорий, функционирующие в политических и идеологических документах, являются не только текстовым выражением социального заказа обществоведам, но и основанием для совокупного идеолога при установлении актуального и неактуального, приемлемого и неприемлемого в описании социальной действительности. Отметим лишь несколько регулярных текстовых схем третьей Программы КПСС (1961 г.), которая более чем на два десятилетия определила конструирования социальной картины мира в терминах понятий общественных наук. Во многом эти схемы повторились в новой редакции Программы, принятой XXVII съездом КПСС (1986 г.).

Далее используется базовый словарь совокупного идеолога: капиталистический мир, империализм, национальная буржуазия и пр.

Объяснение процессов капиталистического мира и их отношения к процессам социалистического мира задаётся парадигмой диалектических противоречий как борьбы взаимоисключающих противоположностей. Вначале неявно, т. е. без использования соответствующих категориальных терминов, выделяются противоположности (двойственный характер национальной буржуазии и технического прогресса, труд и капитал, народ и монополии и др.). Затем утверждается рост основного противоречия капитализма и его проявление в социальной, политической и культурной сферах. Наконец прогнозируется, что на основе нарастания противоречий произойдёт дифференциация различных противоположностей и их слияние с основными противоположностями. В результате этого процесса будущее мира представлено двумя взаимоисключающими возможностями, одна из которых — капиталистическая — исторически обречена: «Человечество не хочет, и не будет мириться с исторически изжившей себя системой капитализма» [Программа КПСС...: 35], т. е. используется идея развития и разрешения противоречия в пользу социализма. В прогнозировании исключалась любая другая возможность как в рамках каждой противоположности, так и во взаимодействии между главными противоположностями. Эта схема описания развития капитализма, как одной из противоположностей современной эпохи, повторилась в новой редакции Программы КПСС (1986), наполненной, однако несколько новым содержанием [Материалы XXVII съезда КПСС... 1986]. Сегодня известна цена таких описаний и прогнозов.

Совсем иначе объясняются противоположности, присущие прогрессивным, — с точки зрения совокупного идеолога, — социальным объектам, например догматизм и ревизионизм международного коммунистического движения, интернационализм и национализм стран социалистического содружества. Неявная схема, объясняющая существование одной или обеих противоположностей, выражена не идеей объективно существующих противоречий, как в первом случае, а представлением о диалектике особенного и общего. Согласно этой схеме, нарушения соотношения особенного и общего, возникающих на уровне субъективных (но не объективных) факторов в истории, как раз и порождает указанные противоположности. Должное понимания отношения между особенным и общим вынесено за текст Программы КПСС (1961), так как в нем, в частности, не разъясняется смысл терминов «ревизионизм», «догматизм» и пр. Произвольность их трактовки проявляется в теоретических и практических реакциях на реальные ситуации (например, на события в Чехословакии 1968 г.). Таким образом, выбор категориальных схем объяснения зависит от разделения объектов на прогрессивные непрогрессивные. Эти критерии разделения социальных объектов определялись в основном классообразующими признаками и несомненным приоритетом классовых ценностей над индивидуальными и общечеловеческими.

Важнейшим роль категориям противоречия, возможности и др. отводилась в Программе КПСС (1961) для целей создания моделей будущего. Вначале изложу факты текста, затем перейду к анализу этих моделей.

В языковых конструкциях типа «в современных условиях... имеет возможность...» [Программа КПСС 1972: 40], «в условиях, когда... создаётся реальная возможность...» [Там же: 56] и других подобных им категория возможность используется для прогнозирования будущих состояний текущих процессов. Так, в этой Программе указана мирная и немирная возможность перехода капитализма к социализму. По контексту Программы легко обнаружить предположение о том, что возможность становится действительностью, если имеются соответствующие условия и действует необходимый закон. Одно из таких условий — «ослабление позиций капитализма» [Там же: 40] есть следствие идеологически заниженной оценки возможностей капитализма. Но и здесь неясно, по какому основанию проводятся различия между фигурирующими в тексте Программы «необходимыми», «обязательными», «важными» условиями и как они определяются. Является ли, например необходимое условие, действительно таковыми, или они обязательные? Не имея определений этих условий, невозможно говорить о различиях между ними. Что же касается необходимости как характеристики закона, то она понимается как неизбежность перехода капитализма в социализм, детерминированная нарастанием всех противоречий империализма. На самом деле этот закон, если следовать тексту Программы, не фальсифицируем, поскольку взаимоисключающие явления, т. е. роста и застоя империализма «подтверждают» действия закона. С одной стороны, утверждается: «Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма. Новые явления в развитии империализма подтверждают правильность ленинских выводов об основных закономерностях капитализма на его последней стадии, об усилении его загнивания» [Там же: 27]. С другой стороны, констатируется, что противоположные явления ничего не доказывает: «В то же время, это загнивание не означает полного застоя, закупорки производительных сил и не исключает роста капиталистической экономики в отдельные периоды в отдельных странах» [Там же: 27]. Какие «отдельные страны» и «отдельные периоды» не указывается. Термины «застой» и «закупорка» не являются политэкономическими терминами, и никак не характеризуют с количественной стороны производительные силы. Любая попытка пересмотреть «правильность ленинских выводов» в новых исторических обстоятельствах не допускалась совокупным идеологом.

Вера в миссию диалектики вообще и противоречия в частности в пользу социализма и во вред капитализму сохранилась в новой редакции Программы КПСС (1986): «Диалектика развития такова, что те самые средства, которые капитализм пускает в ход с целью укрепления своих позиций, неминуемо ведут к обострению всех его глубинных противоречий. Империализм есть паразитический, загнивающий и умирающий капитализм, канун социалистической революции» [Материалы XXVII съезда КПСС 1986: 133].

На основании указанных текстов можно утверждать, что категории «диалектическое противоречие» и «возможность» действительно выполняют роль каркаса для мысленного конструирования будущего с целью подтверждения идеологического положения об исторической обречённости империализма. Идеологически *должное* отождествляется с *бытием в возможности*.

Модель идеологически желаемого будущего, конструируемого в терминах категорий, выходит за пределы прогнозирования и предсказания исторического процесса, если эти модели не корректируются конкретными неортодоксальными исследованиями внутренних и международных экономических, социальных, политических и культурных условий.

2. Отношение между категориальной моделью истории и реальной историей — гносеологическое отношения. Теоретические объекты, задаваемые моделью, не являются зеркальной копией оригинала, а вводятся субъектом познания посредством различных идеализаций, абстракций, обобщений. Ни физик, ни химик не отождествляют теоретические объекты модели с миром наблюдаемых в эксперименте явлений. Совокупный идеолог и власть отождествляют категориальные модели истории с реальной историей. Категориальное описание действительности по ее наиболее общим чертам — это достаточно традиционное использо-

вание познавательных, гносеологических функций категорий. Но категоризация социальных, исторических процессов должна учитывать специфику этих объектов категоризации, которая, в частности, заключается в их быстрой изменчивости во времени, принципиальная непредсказуемость поведения этих объектов в долгосрочной временной перспективе.

Неподтвержденная конкретными исследованиями экстраполяция старой категоризации социальной действительности на сместившуюся по своим свойствам социальную действительность (то, что раньше было, например, борьбой противоположностей, возможным, случайным, стало соответственно единством противоположностей, невозможным, необходимым) служит основой вышеупомянутого отождествления. Та социальная действительность, которую изучали Маркс, Энгельс, Ленин, к середине 20 века сильно изменилась. Молодой Маркс отмечал: «...конструирование будущего и провозглашение раз навсегда готовых решений для всех грядущих времён не есть наше дело...» [Маркс, Энгельс 1961: 379].

Несоответствие прежней категоризации изменившейся действительности закрепляется, прежде всего, в категориях политики и идеологии, представляющие собой более конкретные слепки с различных категорий (иными словами, эквиваленты диалектических категорий).

Практически процесс отождествления категориальных моделей истории с реальной историей осуществляется «подгонкой» изменившейся действительности во второй половине 20 века под категории посредством механизма принятия политических, социальных и культурных решений и соответствующее им конструирование реальной истории рычагами власти.

Фактически в мироконцепции по принципу отождествления модели истории с историческим процессом неявно используется такой способ снятия абстракций, как экземплификация задаваемая языком пропаганды и идеологии. Этот способ снятия абстракций некорректен, так как категории философии приравниваются к феноменологическим или эмпирическим понятиям².

Спор между сторонниками формальной и диалектической логики относительно формулы «А и не А» имел идеологические ограничения, что затрудняет его анализ. Одним из признаков идеологизации этого спора являлось то, что имелись незыблемые для того времени авторитеты: высказывания классиков марксизма ленинизма о диалектике и формальной логике и истолкование философии Гегеля в духе тех же классиков. Другие интерпретации наследия Гегеля, например итальянскими (Б. Спавента, Б. Кроче,) или английскими (Ф. Брэдли, Б. Бозанкет, Дж. Мак-Таггарт) философами, рассматривались в марксистской философии как заведомо неверные. Публичное обсуждение трактовки диалектики в духе Карла Поппера были попросту неприемлемым для совокупного идеолога³. Словом, этот спор проходил в рамках объяснительной парадигмы марксистско-ленинской диалектики.

Отношение между антиномиями и предметными противоречиями Диалектическая логика и формальная логика

Анализ спора между диалектической и формальной логики относительно гносеологических и логических свойств выражения «А и не А» усложняется тем, что в советской философской литературе не было чёткого представления о предмете диалектической логики. Для демонстрации этого утверждения сошлёмся на наиболее авторитетный источник тех лет — «Философскую энциклопедию». «*Логика диалектическая* — наука о наиболее общих законах развития природы, общества и человеческого мышления. Эти законы отражаются в виде особых понятий — логических категориях. Поэтому Л. д. можно определить и как науку о диалектических категориях» [Логика диалектическая. 1964: 209]. Другими словами, согласно

² Условия снятия абстракций будет затронуты ниже.

³ См.: Поппер 2004. Это доклад Поппера, который он прочитал на философском семинаре Кентерберийского университетского колледжа в Новой Зеландии в 1937 г., несколько позже был опубликован в журнале «Mind».

этому определению диалектическая логика есть часть, аспект материалистической диалектики. В этой же статье — «Логика диалектическая» — даются и другие точки зрения. Укажем на две: «...предмет диалектической логики является частью предмета марксистской теории познания и диалектики...» [Там же: 216]; «...проблематика диалектической логики отличается от проблематики теории познания материализма и от общей проблематики диалектики как науки, хотя резких граней провести здесь невозможно...» [Там же: 216]. Если логика диалектическая это часть то ли диалектики, то ли теории познания, то ли часть и того и другого, то хотелось бы знать, в чем специфика логики диалектической. Ссылка на различия между объективной и субъективной диалектикой и наличие в субъективной диалектике особых форм и законов диалектической логики ничего не проясняют в понимании того, чем является логика диалектическая. Если логика диалектическая сформулировала особые формы и законы мышления, то в чем они состоят? Никакого ясного ответа на этот вопрос не было дано. Хотя отрицательный ответ имелся, и он принадлежит К.С. Бакрадзе: «Не существует двух наук о формах и законах правильного мышления; существует одна наука, и эта наука — логика или формальная логика...Диалектическая логика — это не учение о формах и законах правильного мышления, последовательного мышления, а общая методология познания, методология практической деятельности...» [Там же: 216]. Такого же взгляда, что касается форм и законов мышления, придерживались и логики. Более поздние определения логики диалектической, ещё больше запутали ситуацию.

Тем не менее, как бы там не определялась диалектическая логика, понятия «диалектические противоположности» и «диалектическое противоречие», включались в понятийный аппарат диалектической логики при любом ее понимании. Это то общее, что имеется в различных интерпретациях логики диалектической. Однако и эти понятия не получили надёжного определения. Что будет показано ниже.

Замечу, что в контексте данной статьи надо разобраться, как понимается (определяется) объективное диалектическое противоречие, поскольку одни философы считают антиномии, имеющие грамматическую форму «А и не А», лишь приблизительным образом объективного диалектического противоречия, другие считают, что форма «А и не А» есть самая точная абстрактная формулировка объективных диалектических противоречий.

Традиционно формальную логику определяют как науку о формах мысли, т. е. мыслях выраженных в языке и имеющие ту или иную логическую форму. Когда речь идёт о формальной логике в упомянутом споре, то сторонниками формальной логики имеется в виду не только традиционная логика, но и современная формальная логика, которая включает в себя логику высказываний, логики предикатов первого порядка, многозначную логику и др. Иначе говоря, никто не спорит о том, что такое формальная логика. Спорят о том, как соотносятся формальная и диалектическая логика, но фактически спор трансформировался, свёлся к спору о том, как соотносится формально-логическое противоречие и диалектическое противоречие, выраженное в языке в виде антиномий

Сам спор о соотношении диалектической логики и формальной логики имеет, по меньшей мере, два уровня — гносеологический и собственно логический.

На гносеологическом уровне анализируется отношение между антиномиями и объективными противоречиями, т. е. диалектическими противоречиями. Учение об объективных противоречиях — это то общее, что сохраняется при различных, даже несовместимых, пониманиях диалектической логики. С точки зрения упомянутого спора, важно проанализировать, как определяются диалектические противоречия.

Антиномии также не имеют единого, общепризнанного понимания, главным образом по вопросу о том являются ли они приблизительным или адекватным образом объективного противоречия. Но в трактовках антиномий, все — таки, меньше расхождений по сравнению с тем, как различные авторы описывают диалектические противоречия. Одна из этих точек зрения состоит в том, что «образом» объективного противоречия, наряду с теорией, считает-

ся также диалектическая формула «А и не -А» [например: Глаголева 1979, Ильенков 1979, 1979а, Сорокин 1979, 1979а].

Выражению «А и не А» при этом придаются различные значения: (1) «А и не А» есть формально-логическое противоречие; (2) абстрактная и самая точная формулировка предметного противоречия; (3) есть антиномия. Более точно, под адекватным образом предметного противоречия, кроме теории, имеют в виду выражение «А и не А» в значениях (2) и (3).

Согласно второй точке зрения адекватным образом предметного противоречия считается теория или система теорий, но не выражения «А и не А» в любом из указанных значений [Батищев 1979, Вяккерев 1979, 1979а, Кедров 1979, 1979а, Нарский 1969, Оруджев 1979, 1979а, Порус 1979, 1979а и др.]

Логический аспект соотношения «А и не А» и предметного противоречия рассматривается авторами этих точек зрения через сопоставления «А и не А» в значении (2) и (3) со значением (1). Однако эти авторы — сторонники и первой и второй точки зрения — в анализе этого логического аспекта использовали язык гносеологии и аргументы гносеологического характера, но не логический язык. Спор собственно зашёл в тупик. С логической точки зрения, как отмечалось во «Вводных замечаниях» — надо подобрать подходящие логические системы, чтобы иметь возможность ответить на два логических вопроса: «Совместима ли формулировка антиномий, имеющих грамматическую форму «А и не А» с принципом непротиворечия?» и «Совместимо ли «А и не А», интерпретируемое как суждение о переходе противоположностей с принципом непротиворечия?». Без привлечения логики дать положительный или отрицательный ответы на сформулированные вопросы невозможно.

Общеполитический и методологический аспекты анализа соотношения антиномий и предметных противоречий

В гносеологическом анализе антиномий буду, вслед за Горским Д.П., учитывать различие между антиномиями как видом суждений (антиномические суждения) и антиномиями как видом исследовательской ситуации [Горский 1978: 50]. В литературе того времени имелись различные определения антиномических суждений: «конъюнкция контрарных понятий» [Кайдалов 1973: 74]; суждение о единстве «противоположных свойств в объекте» [Копнин 1982: 275]; конъюнкция «предложения и отрицание этого же самого предложения» [Нарский 1973: 121]; «противоречивая конъюнкция тезиса и антитезиса» [Порус 1979а: 277] и др. Замечу, что «конъюнкция контрарных понятий» не является суждением, но встречались и такие определения антиномических суждений. В описании антиномических суждений типа «противоречивая конъюнкция тезиса и антитезиса» сразу закладывалось свойство противоречивости.

Все эти определения можно обобщить следующим образом: антиномические суждения есть предложения, имеющие грамматическую форму «А и не А», где «А» — тезис, «не А» — антитезис, каждый из которых каким либо образом обоснован: рассуждением, теорией, наблюдением, экспериментом. Выражение «А и не А» является метаутверждением, выраженным в естественном языке относительно конкретных антиномических суждений, известных в истории науки или истории философии. Например, в антиномическом суждении «летающая стрела покоится и летающая стрела не покоится» суждение «летающая стрела покоится» обосновывается некоторым рассуждением, а истинность суждения «летающая стрела не покоится» основывается на наблюдении. Если вместо «А» подставляется предложение «капитал должен возникнуть в обращении», а «не-А» — читается как «капитал должен возникнуть вне обращения», то содержание понятий, входящих в конкретное антиномическое суждение раскрывается в данном случае в марксистской политэкономии. Замечу, что в этой часто обсуждаемой в советской философской литературе антиномии, по-видимому, предполагается эк-

вивалентными два высказывания: «капитал должен возникнуть вне обращения» и «капитал не должен возникнуть в обращении»

Употребляя оборот «грамматическая форма» здесь подчёркивается то обстоятельство, что вопрос о том, является ли «А и не А» формально-логическим противоречием требует исследования, поскольку «решение вопроса о логическом противоречии нельзя делать на основе простого написания слов. Его можно делать, только выявив логическую форму предложений, что в свою очередь, требует выяснить их содержание. А последнее нельзя осуществить, не уточнив смысл терминов, составляющих предложение. Поэтому вопрос о противоречивости или непротиворечивости предложения... не столь тривиален...» [Петров 1978: 499].

Этот взгляд на необходимость уточнения содержания высказываний, имеющих грамматическую форму «А и не — А» был фактически несовместим с ранее высказанным, можно сказать программным, утверждением Э.В. Ильенкова: «Стремление избавиться от противоречия в определениях путём «уточнения» названий и выражений есть метафизический способ разрешения противоречий в теории. Как таковой он в итоге приводит не к развитию теории, а ее разложению» [Ильенков 1960: 231]. Мне неизвестно изменил ли Э.В. Ильенков в более позднее время свои взгляды на необходимость уточнения содержания высказываний или нет.

Под исследовательской ситуацией понимается недостаточно изученные на определённом этапе развития знания какие-то противоположные характеристики объекта их взаимосвязь или неограниченное использование учёным каких-то абстракций и идеализаций. С этой точки зрения исследовательская ситуация констатируется в антиномических суждениях. Сложный термин «исследовательская ситуация констатирует» имеет различные смыслы, и определённый смысл этого термина устанавливается путём анализа конкретных антиномических суждений. В одних случаях в антиномических суждениях, например, в антиномии Рассела выражается неограниченное использование абстракции актуальной осуществимости, в других случаях, например, в суждении, фиксирующем корпускулярно — волновые свойства микрообъектов, выражается недостаточно изученная на определённом этапе развития физических знаний взаимосвязь корпускулярных и волновых свойств микрообъектов.

Как указывалось, в марксистско-ленинской методологии антиномии являются одной из форм развития теории в силу того, что в антиномических суждениях, в конечном счёте, отражаются свойства объективных противоречий. Сегодня кажется ясным, что не все антиномии, в конечном счёте, как-то связаны со свойствами объективных противоречий. Например, парадоксы (антиномии) теории множеств трудно как-то связать с объективными противоречиями. Множества являются некоторым предметом, объектом изучения. Но почему мы должны этот объект называть конкретным примером диалектического (объективного) противоречия не ясно. Но вполне допустимо и сегодня трактовать эти парадоксы как утверждения, в которых выражается противоречивость процесса познания в исследовании такого объекта как множества.

Далее я погружаю возможного читателя в диалектико-материалистическую терминологию советского времени в изложении характерных способов обоснования различных утверждений о познании диалектических противоречий. Замечу, что сейчас, в современной российской философии, эта терминология почти полностью вышла из употребления. Это связано с тем, что страна стала другой, а также с тем, что выработалось негативное отношение к притязанию марксистско-ленинской методологии на ее исключительность и универсальность.

В диалектико-материалистической философии предполагалось, что принципиальные положения о диалектике познания были высказаны. В.И. Лениным, в частности, в таких формулировках.

1. «Познание есть отражение человеком природ. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий,

законов... Тут действительно объективно три члена: 1) природа; 2) познание человека, = мозг человека (как высший продукт той же природы) и 3) форма отражения природы в познании человека, эта форма и есть понятия, законы, категории etc. Человек не может охватить = отразить = отобразить природы всей, полностью, ее «непосредственной цельности», он может лишь вечно приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира и т. д. и т. п.» [Ленин 1973: 163–164].

Против этого описания диалектики познания трудно что-либо возразить, хотя имеются неопределённости в значении ключевых терминов «отражение», «закон».

2. «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не умертвив живого. Изображения движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и всякого понятия. И в этом суть диалектики. Эту — то суть и выражает формула: единство, тождество противоположностей» [Там же: 233].

Здесь также имеются неопределённости: что значит огрубление, омертвление понятия. И как оказалось позже по разному можно понимать понятие «противоположности», а значит их «тождество», «единство». Иными словами, эти положения о диалектике познания, высказанные В.И. Лениным, дают простор для различных интерпретаций.

Следующие два положения В.И. Ленина имеют преимущественно онтологический оттенок.

3. «В частности, диалектика есть изучение противоположности вещи в себе (an sich), сущности, субстрата, субстанции, — от явления, «для-других-бытия». (Тут тоже мы видим переход, перелив одного в другого: сущность является. Явление существенно.) Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д. без конца.

В собственном смысле диалектика есть изучение противоречия в самой сущности предметов: не только явления преходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но в сущности вещей также» [Там же: 227].

На основе последней цитаты констатируем, что диалектика вещей, объектов есть основное в диалектике, и она описывается посредством гегелевского языка.

4. «Разрушимость атома, неисчерпаемость его, изменчивость всех форм материи и ее движения всегда были опорой диалектического материализма. Все грани в природе условны, относительны, подвижны, выражают приближение нашего ума к познанию материи...» [Ленин 1973а: 227].

Как связана «изменчивость всех форм материи и ее движения» с диалектическим противоречием? Почему собственно в диалектическом материализме принимается положение о том, что все вещи (предметы) противоречивы и что диалектическое противоречие есть источник любого изменения?

Аргументы о связи изменения и противоречия можно обнаружить в гегелевской концепции самодвижения, которая состоит из следующих положений:

(1) «Все вещи сами по себе противоречивы» [Гегель 1971: 65].

(2) Все понятия и определения противоречивы [Там же: 68–69].

(3) Противоречие есть источник самодвижения, изменения [Там же: 65].

Предложения (1) и (2) обосновываются посредством следующего аргумента:

а) всякий изменяющийся предмет имеет переход (здесь предмет понимается как вещь или понятие о вещи);

б) все, что имеет переход, имеет противоречие, следовательно,

в) все имеет противоречие.

Но положение (3) не может быть обосновано посредством подобного аргумента: *оно является исходным в диалектике Гегеля.*

Ленин В.И. подчёркивал, что понятия перехода весьма важное понятие для гегелевской диалектики [Ленин 1973: 97, 103, 178, 241, 253].

В частности Ленин В. И. отмечал: «Гегель гениально угадал диалектику вещей (явлений, мира, природы) в диалектике понятий... Отношения (= переходы = противоречия) понятие = главное содержание логики... Диалектика вещей создаёт диалектику идей, а не наоборот» [Там же: 178].

Истолковав гегелевское отношение между диалектикой идей и диалектикой вещей в материалистическом ключе, в диалектическом материализме тем самым была принята и гегелевская мысль о вездесущности противоречий: в вещах и в познании.

Признание в диалектическом материализме вездесущности диалектического (объективного) противоречия вынуждало будущие поколения философов выискивать в предметах естественных, социальных и гуманитарных наук диалектические противоречия, а в теориях этих наук искать признаки описания этих противоречий. Кроме этого, попытка объяснить в диалектическом материализме все изменения, все процессы, происходящие в природе, обществе, в естественных, гуманитарных, социальных науках, посредством диалектического противоречия породила размножение разновидностей противоречий: внутренние и внешние, основные и неосновные, антагонистически и неантагонистические.

Само собой разумеется, что диалектика не сводится к закону единства и борьбы противоположностей.

Советские философы собственно и работали в рамках указанной объяснительной парадигмы. Это надо иметь в виду при чтении дальнейшего материала.

Для того, чтобы описать гносеологические свойства соотнесения антиномических суждений и объективных противоречий, было выделено два уровня: общефилософский и методологический, второй конкретизирует первый.

На общефилософском уровне антиномии являются формой выражения противоречивости процесса познания. Как отмечали Д.П. Горский и И.С. Нарский, «противоречивость процесса познания есть следствие, во-первых диалектического противоречия между субъектом и объектом, а во-вторых, противоречивости, в конечном счёте, самого объективного мира» [Горский, Нарский 1978: 6].

С этой точки зрения диалектическая противоречивость самого объективного мира проявляется через действие законов единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные, отрицания отрицания, а также в диалектике отношений, выраженных преимущественно в парных категориях материалистической диалектики. Сама зависимость диалектической противоречивости отношения между субъектом и объектом от противоречивости объекта демонстрируется через отдельные примеры типа следующего.

Взаимообусловленные и взаимоисключающие характеристики объектов отражаются в теориях на определённом этапе их развития в виде противоположных утверждений. Эти характеристики отображаются таким образом, что в одной теории воспроизводятся какая-то одна характеристика как бы необусловленная другой характеристикой (например, свет есть корпускула), в другой теории воспроизводится следующая противоположная характеристика, как бы необусловленная первой (свет есть волна). В данном случае содержание противоположных утверждений, сформулированных на основе конкурирующих теорий, детерминировано диалектически противоречивым объектом. На следующем этапе познания диалектически противоречивого объекта устанавливается, взаимосвязь, взаимообусловленность противоположных характеристик. Эта взаимосвязь констатируется в антиномических суждениях, а ее свойства исследуются в теории⁴.

⁴ Подобные объяснение с позиций диалектического материализма не всеми принималось. Марио Бунге выступает против применимости идей диалектического материализма к анализу гносеологических и методологических проблем физики (см.: Философия физики. М., 1975 г.). Он отмечал: «...идея диалектической логики в

Необходимость методологического уровня анализа соотношения антиномических суждений и объективных противоречий обусловлена следующими обстоятельствами. При характеристике отражения объективных противоречий в познании явно выделяют или подразумевают три момента: объективно существующие противоречия — процесс отражения объективных противоречий — результат отражения, например [Лежебоков 1981, Порус 1979]. Хотя антиномические суждения и правомерно выделять в качестве отдельного объекта анализа с целью изучения их гносеологических и логических свойств, было бы чрезмерным упрощением анализировать антиномические суждения независимо от теории, в которой они появляются. Они не появляются вне теорий, и разрешение антиномий выражает процесс развития именно конкретно-научных теорий, а не теорий «вообще». Любая конкретно научная теория, в структуре которой имеется антиномическое суждение, относится к определённым предмету, объекту исследования, свойства и отношения которого отражаются в конкретно-научных понятиях и законах. Тогда как, согласно вышеуказанным характеристикам процесса отражения объективных противоречий в познании, теории, содержащие антиномические суждений сопоставляются не с предметом теории, а с объективными противоречиям, поскольку предполагается, что в антиномических суждениях отображаются, в конечном счете, свойства объективных противоречий.

Для анализа сопоставления конкретно-научных теорий и объективных противоречий можно выдвинуть следующие альтернативные подходы: либо признать, что в конкретно-научных теориях, в структуре которых имеются антиномии, или части антиномий («А» или «не А»), воспроизводятся свойства диалектически противоречивой действительности, либо отрицать это. Для диалектико-материалистической методологии верной является первая позиция. Предполагается, что через понятийный аппарата конкретно-научных теорий посредством набора законов и категорий диалектического материализма возможно рефлексировать над отражением свойств, отношений, взаимосвязей определённого предмета познания в той или иной конкретно-научной теории. Так, В.И. Шинкарук отмечал: «Каждый представитель той или иной отрасли знания переосмысливает категории сквозь призму предмета своей науки... Здесь-то и возникает проблема соотношения общего (общефилософского), особенного (мыслимого в той или иной науке) и единичного (постигаемого) явлений. В этой проблеме — фокус методологического использования философских категорий в практике научного познания» [Шинкарук 1980: 13]. Ясно, что, например такие категории как время и пространство переосмысливаются в конкретно-научных понятиях. Но, а как быть с категорией диалектическое противоречие? Как она может переосмысливаться конкретно-научной теорией?

Проблема в том, что конкретно-научная теория и философская теория имеют различные языки, имеют различные предметные области.

Так, каждая физическая теория имеет свою систему понятий и законов, которым соответствует свой математический аппарат; она описывает некоторую область физических явлений, которые даны в опыте, опытным путём устанавливаются и границы применимости этой теории.

Диалектический материализм изучает наиболее общие законы развития общества, природы, сознания.

Строгое сравнение этих теорий попросту невозможно. Кажется, что диалектический материализм выступает некоторой универсальной метатеорией относительно любых конкретно-научных теорий, что также невозможно, поскольку известно из метатеоретических разработок в логике, что выразительные возможности языка метатеории должны быть не беднее языка теории. Но язык диалектического материализма (это — в основном категории,

целом равносильна попытке объяснить динамику мира, исходя из досократического смешения логики и онтологии. В лучшем случае диалектика может утверждать, что она является онтологической и/или эпистемологической теорией» (с. 294).

и понятия входящие в формулировку законов и принципов диалектики) не могут быть богаче конкретно-научных понятий и законов огромного числа разнообразных теорий.

Однако если диалектический материализм претендует на рассмотрение гносеологических вопросов конкретно-научных теорий, то это вполне традиционное для философии занятие.

В диалектико-материалистической методологии было приемлемым, в частности, такое обоснование. Допускалось, что имеются диалектически противоречивые фрагменты действительности. Далее, во-первых, указывались абстракции, посредством которых из диалектически противоречивых фрагментов действительности «вычлениются» предметы конкретно-научных теорий и объективных противоречий. Факт существования различных свойств объектов, в том числе и противоположных, а также их объективная относительность и взаимосвязь, выступает в познании основой абстрагирования, например [Горский 1978, Горский 1980]. Процесс абстрагирования, если говорить в общих чертах, представляет собой способ, «сечения» объектов, т. е. выделения определённых свойств объектов, установления их взаимосвязи с целью категоризации исследуемых объектов в познании. Во-вторых, категориальное сопоставление, с одной стороны, конкретно — научных теорий и объективных противоречий, а с другой — этих же теорий и их предметов, покоится на различных категориальных предпосылках, т. е. категории имеют различную общность и различное содержание. Собственно это работа, методолога, снабжённого категориями диалектического материализма, использующего различные, исторически выработанные способы абстрагирования.

Это сопоставление на категориальном уровне сводится как минимум к двум проблемам: обобщению конкретно-научных данных в диалектико-материалистическом учении о противоречии и исключению, т. е. восполнению конкретным содержанием категории диалектическое противоречие.

Замечание. Философская рефлексия в лице диалектического материализма над конкретно-научными описаниями (изучением) противоречивых аспектов действительности с методологической точки зрения сводится как минимум к двум проблемам: а) проблеме обобщения конкретно-научных данных в теории материалистической диалектики (в аспекте учения о предметных противоречиях); б) проблеме снятия абстракций, т. е. восполнением конкретным содержанием философских категорий и, в частности, категории предметного противоречия. Я опускаю обсуждения этих двух проблем. Вкратце отмечу лишь следующее. Подразумевалось, что категория «предметное противоречие» не является операциональным, эмпирическим, феноменологическим понятием, поэтому к ней неприменимы обычные для указанных понятий способы снятия абстракций: принцип измерения, прямой или косвенной наблюдаемости и подтверждаемости, непосредственное указание. С другой стороны, если принять тезис о принципиальной неисключаемости философских абстракций, в этом случае пришлось бы признать, что категория «предметное противоречие» не имеет методологического значения в анализе конкретно-научных описаний соответствующих фрагментов диалектически противоречивой действительности и был бы «отсечен» важный источник изменения содержания категории «предметное противоречие».

Проблематичность определения предметного противоречия (диалектического противоречия)

При характеристике процесса отражения объективных противоречий в познании, как было отмечено, выделяется три взаимосвязанных общих момента: а) объективно существующие противоречия; б) процесс отражения объективных противоречий; в) результат отражения, т. е. образ, который выражен в форме антиномии, теории.

Выделение этих моментов покоится на ленинской мысли о процессе познания: «Тут действительно объективно три члена: 1) природа; 2) познание человека... и 3) форма отраже-

ния природы в познании человека, эта форма и есть понятия, законы, категории...» [Ленин 1973: 164].

Отношение между объективным диалектическим противоречием и их образом — это гносеологическое отношение. Как и всякое другое гносеологическое отношение, данное характеризуется общим условием, которое иногда называют «гносеологической ситуацией» [Лазарев 1981: 184–201]. В любой гносеологической ситуации, независимо от вида познания — философского или физического и др. — необходимо проводить различия между «объектом» и «предметом» познания (исследования), выделенным из объекта различными исторически выработанными познавательными процедурами типа абстрагирования, отождествления, идеализации и др. Заметим, что данное различие имеет много названий: «объект исследования» и «предметная область исследования» [Грязнов 1982: 9], «предметная область» и «модель предметной области» [Карпович 1984: 16], «объект» и «объект познания» [Лазарев 1981: 184–201], «объект исследования» и «предмет исследования» [Пятницин 1984: 131] и др.

Хотя данное различие выражено многими названиями, оно имеет один и тот же смысл. Под объектом понимается некоторый фрагмент реальности, существующий независимо от познавательной деятельности человека. Под предметом познания понимается не фрагмент реальности, каким он существует сам по себе, а те вещи, свойства и отношения фрагмента реальности, которые выражены в том или ином виде знания на определённом этапе развития познания.

Теория познания диалектического материализма в аспекте анализа приёмов познавательной деятельности субъекта познания, противостоит тем гносеологическим концепциям, которые утверждают, что предмет познания чувственно дан субъекту непосредственно, т. е. отождествляют объект с предметом (например, созерцательный материализм). Она также противостоит и тем гносеологическим концепциям, которые считают, что предмет познания не «вычленяется» из объекта, т. е. из фрагмента реальности, а есть продукт процесса познания, объективизация применения различных априорных познавательных операций субъекта познания (например, кантианство).

Применительно к диалектическому противоречию под объектом имеется в виду «объективное противоречие» («противоречия в вещах», «реальное противоречие», «противоречивая реальность» — другие названия объективного противоречия); под предметом имеется в виду «предметное противоречие». Заметим, что в литературе по диалектическому противоречию различие между «объективным противоречием» и «предметным противоречием» часто терминологически не соблюдается, а скорее предполагается, т. е. понятие объективного противоречия используют в двух значениях и как противоречивый фрагмент реальности, противоречия в вещах. Когда говорят об объективных противоречиях в значении «предметное противоречие», то подразумевается те аспекты объективного противоречия (как фрагментов противоречивой реальности), которые выделены, изучены на некотором этапе их познания, по меньшей мере, заданы посредством некоторого определения.

С гносеологической точки зрения в имеющихся определениях предметного определения отражаются некоторые свойства и взаимосвязи объективного противоречия. Онтологически «предметному противоречию» соответствует некоторый абстрактный предмет в следующем смысле: объективно, реально существующие противоречия, обладающие в действительности бесконечным числом свойств, взаимосвязей мысленно отождествляется лишь с теми признаками, которые указаны в определении предметного противоречия.

В любом случае, когда речь идёт об определении, имеется в виду «предметное противоречие», даже если авторы различных определений могут употреблять другие термины: «объективное противоречие», просто «диалектическое противоречие» или «противоречие», и возможно другие термины.

Перейду собственно к определениям.

Общие свойства предметного противоречия выразимы в таких понятиях, как «единство», «борьба», «свойство», «сторона», «тенденция», «взаимообусловленность», «взаимоотрицание», «взаимопроникновение» и некоторых других.

В советской литературе имеется несколько вариантов введения таких основных понятий марксистско-ленинской диалектики, как «противоположность» и «предметное противоречие». Я беру один из вариантов с таким расчётом, чтобы оказалось возможным сравнивать исходный вариант введения указанных понятий с другими существующими определениями «противоположность», «объективное противоречие».

В литературе по диалектическому противоречию значение, смысл терминов «свойство», «сторона», «тенденция» не указывается, не объясняется. В одних случаях эти термины используются как синонимы в различных определениях предметных противоречий [Шептулин 1983: 70–86], в других — различают эти термины в описании структуры предметного противоречия [Вяккерев 1973: 9–11].

Понятие противоположности вводится в таких терминах как «сторона», («свойство», «тенденция») «взаимополагание», «взаимообусловленность», «взаимоотрицание», «взаимоисключение», «и вместе с тем». Обычно даётся такое, наиболее распространённое, определение противоположностей.

Противоположности — это такие стороны объекта, которые взаимополагают (взаимообуславливают) и вместе с тем взаимоотрицают (взаимоисключают) друг друга [Философский энциклопедический словарь 1983: 543].

В данном определении оборот «и вместе с тем» используется, насколько мне известно, без объяснения и часто заменяется синонимами: «одновременно», «в то же время» и другими. Эти термины можно понимать так, что противоположности присущи объекту в одно и то же время; либо так, что одна противоположность не может существовать без другой; либо, что противоположности имеют некоторые общие свойства. Конечно, можно обнаружить и другие значения оборота «и вместе с тем». Пара терминов «взаимополагание» и «взаимообусловленность» используются как синонимы. Иногда в качестве синонима добавляют, например, термин «взаимопроникновение». Другие философы, например, Ф.Ф. Вяккерев, понятие «взаимопроникновение» считает одним из центральных в описании структуры предметного противоречия [Вяккерев 1979: 59–77]. Иными словами, термин «взаимопроникновение» не всеми философами используется в качестве синонима вышеуказанной пары терминов. То же самое можно сказать о другой паре терминов: «взаимоотрицание», «взаимоисключение». В.В. Бородкин, например, к последней паре добавляет в качестве синонима термин «взаимоталкивание» [Бородкин 1982: 76]. Термины «взаимополагание» («взаимообусловленность») и «взаимоотрицание» («взаимоисключение») также многозначны. В общем случае можно предположить, что эти термины предназначены для представления некоторых типов связей, отношений, имеющих место между противоположностями. Однако свойства этих отношений нигде не фиксируется, не описывается, не анализируется в современной, известной терминологии типа: рефлексивность, симметричность, асимметричность, антирефлексивность и др.

В литературе 60-х годов понятие предметного противоречия вводится следующим образом: объективное противоречие есть отношение взаимополагания, взаимообусловленности и взаимоотрицания, взаимоисключения. Ясно, что данное определение предметного противоречия совпадает с вышеуказанным определением противоположностей, если, конечно, имеется в виду один и тот же смысл терминов взаимополагания, взаимообусловленности и взаимоотрицания, взаимоисключения. В рассматриваемом случае (определения предметного противоречия в 60-е гг.) понятие «противоположности» вводится посредством онтологического утверждения (описания): все, что существует, имеет много сторон, свойств, частей, тенденций, моментов. Среди этих последних противоположные стороны, свойства, части, тенденции и называется противоположностями. Очевидно, что этот способ введения «противоположностей» отличается от вышеуказанного. Далее, согласно этому подходу, указывается что поня-

тие «противоположности» имеет два смысла: противоположности — это некоторые из сторон предметного противоречия и противоположности как высшая ступень развития предметного противоречия.

Против этой точки зрения высказывались возражения на том основании, что понятие противоположности вводится некорректно [Горбач 1972: 63]. Если предметное противоречие есть отношение (взаимообусловленности и взаимоотрицания) между противоположностями, тогда, что есть противоположности? Если же мы имеем в виду первый смысл термина «противоположности», получим круг в определении: противоположности — это некоторые стороны предметного противоречия, а предметное противоречие есть отношения между противоположностями объекта (т. е. предметного противоречия).

Если же определить противоположности способом, наиболее распространенным в более позднее время (70–80 гг.), то *понятия противоположности и предметное противоречие неразличимы*, так как и категории противоположности, и предметного противоречия вводятся в одних и тех же понятиях: взаимоотрицания (взаимоисключения) и взаимополагания (взаимообусловленности).

Второй смысл термина «противоположности» скорее относится к «механизму» то ли развития предметного противоречия, то ли его познания, который описывается следующими понятиями: тождество, разность, противоположности, противоречие. Гегель определял противоположность (но не противоположности) в Науке логики, используя в указанном перечислении понятий, предшествующие понятию противоположность: «противоположность есть единство тождества и разности» [Гегель 1971: 46].

Имея в виду эти трудности, были указаны другие способы введения понятия противоположности и предметного противоречия. Один из них принадлежит Ф.Ф. Вьяккереву [Вьяккерев 1979: 59–77].

По его мнению, понятие предметного противоречия должно характеризоваться, прежде всего, как «источник самодвижения». Центральным понятием, представляющим свойства взаимодействия между противоположностями, является понятие «взаимопроникновение». Однако это, скорее всего не свойства отношений между противоположностями, а некоторые ограничения на условия для выделения отношений между противоположностями. Понятие противоположности им вводится следующим описанием. Вначале утверждается, что существующие объективные противоречия обладают множеством свойств, сторон, тенденций. Скорее всего, здесь имеется в виду не предметное противоречие, а некоторый фрагмент реальности. Тогда, если «а) стороны противоречия предполагают, обуславливают друг друга; б) вместе с тем исключают, отрицают друг друга», то такие стороны предметного противоречия называются противоположностями» [Там же: 61]. Вьяккерев терминологически не различает объективного и предметного противоречия, поэтому не вполне ясно, где его утверждения относятся к предметному противоречию как абстрактному объекту, а в каких случаях его утверждения относятся к противоречивым фрагментам реальности.

С таким описанием противоположностей, согласны, например: Бородкин 1982, Оруджев 1979 и др.

Замечу, что в указанном описании противоположностей отношения между ними представлено такими терминами как «предполагают», «обуславливают» «исключают», «отрицают». Тогда данное описание совпадает с вышеуказанным определением предметного противоречия. Но тогда встаёт тот же вопрос, как провести различие между определением «противоположности» и «предметного противоречия»?

Выход из этой ситуации авторы этого подхода видят в допущении, что структура предметного противоречия сложнее, чем раньше это предполагалось, и для адекватного описания последнего надо вводить некоторые ограничения на отношения между противоположностями.

Согласно Ф.Ф. Вьяккереву, взаимодействие между противоположными сторонами объекта должны удовлетворять двум условиям.

Первое условие состоит в том, что противоположные стороны объекта существуют одновременно. Если же противоположности не существуют одновременно, то «невозможно взаимодействие между ними» [Там же: 61]. Второе условие требует, чтобы противоположные стороны объекта были пространственно совмещены, нераздельны [Там же: 61]. Необходимость второго условия Ф.Ф. Вьяккерев усматривает в формулировке «закона взаимного проникновения противоположностей» из работы [Энгельс 1960: 384], и в следующем замечании В.И. Ленина: «Диалектика есть учение о том, как могут и как бывают (как становятся) тождественными противоположности, — при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга» [Ленин 1973: 98].

Замечу, что это достаточно распространённый способ обосновывать свою позицию цитатами из произведений классиков марксистско-ленинской диалектики. В данном случае они не отличаются ясностью. И ссылаться на них означает плодить неоднозначности.

Термины «тождество противоположностей» и «взаимопроникновение противоположностей» означает, по Вьяккереву, «совмещённость, нераздельность» противоположностей. Термины «тождество противоположностей» («взаимотождественность») и «взаимопроникновение противоположностей» используются Вьяккеревым как синонимы. Ввиду двух ограничительных условий, Вьяккерев выделяет два уровня предметного противоречия: внутренний (сущностный) и внешний уровень. Если отношения между противоположными сторонами удовлетворяют первому и второму условию, то это — сущностный (внутренний) уровень, если — только первому, то это внешний уровень предметного противоречия. Однако, Вьяккерев, не приводит никаких примеров, которые хотя бы как — то прояснили, что такое «пространственно совмещены, нераздельны». Поэтому разделение двух уровней предметных противоречий остаётся тёмным, неясным. Например, если бы отношения между противоположностями удовлетворяли только второму, но не первому, условию, почему в этом случае нельзя сказать, что это внешний уровень противоречия.

В советской философской литературе имеются разработки позиции Ф.Ф. Вьяккерова. Так, З.М. Оруджев выражает свое согласие с Вьяккеревым относительно его взглядов на предметное противоречие, однако, считает необходимым уточнить содержание понятия «взаимопроникновение противоположностей» [Оруджев 1979: 223–232].

По мнению Оруджева, высказанного в работе *«Формально-логическое и диалектическое противоречие. Различие структур»* понятие «взаимопроникновение противоположностей» указывает не на пространственную совместимость, неразрывность, а на некоторый третий элемент между противоположностями, который он называет промежуточным звеном, т. е. понятие «взаимопроникновение» он фактически заменяет понятием «промежуточные звенья» Он указывает на следующее свойство промежуточного звена между противоположностями. Допустим, что имеются фиксированные противоположности некоторого объекта. Также предполагается, что промежуточные звенья обладают множеством свойств. Тогда «соотношения свойств распределяется так, что чем ближе данное промежуточное звено к В, тем меньше у него свойств, общих с А, т. е. целый ряд свойств, присущих членам, примыкающим к А, отсутствуют у членов, примыкающим к В. Это значит, что в В достигается полное (но не абсолютное) диалектическое отрицание А» [Оруджев 1979а: 92].

Значение термина «промежуточные звенья» Оруджев разъясняет через весьма популярный пример того времени. «Мелкий буржуа, который имеет наёмного рабочего, но ещё не может освободиться от необходимости выполнять труд рабочего, отличается от другого мелкого буржуа, который вообще не имеет наёмных рабочих. Поэтому он ближе к капиталисту, в то время как другой ближе к пролетарию, хотя не является пролетарием, будучи собственником. Мелкий буржуа занимает в буржуазном обществе промежуточное между пролетариями и капиталистами» [Там же: 95].

Здесь важно подчеркнуть, что в этой работе *формально-логическое противоречие определенным образом сравнивается с предметным противоречием, т. е. речь идёт не только о сравнении антиномических суждений с формально-логическим противоречием, но и о сравнении формально — логических противоречий с предметными противоречиями.*

Вяккерев, чью позицию в отношении предметного противоречия защищает Оруджев, соглашается с использованием понятия «промежуточного звена», но при одном условии: «Если под опосредованием понимать конкретное тождество, взаимопроникновение и т. п., то перед нами действительно существенная черта диалектического противоречия» [Вяккерев 1977а: 211]. С другой стороны, Вяккерев отрицает универсальность объяснения свойств взаимодействия противоположностей предметного противоречия посредствующими звеньями на том основании, что «диалектическое (предметное) противоречие может быть и «непосредственным» единством противоположностей... между потребительной и меновой стоимостью... как свойствами товара нет никаких «посредствующих звеньев»...» [Там же: 211].

Оруджев отвечает: во-первых, что понятие посредствующего звена устанавливает рациональный смысл термина «взаимопроникновения» и, во-вторых, те свойства взаимодействия между противоположностями предметного противоречия, которые выражаются понятием посредствующие звенья, имеют универсальный характер, т. е. структура всех существующих предметных противоречий такова, что взаимодействие противоположностей опосредовано некоторым третьим элементом (звеном). Третий элемент таков, что последний одновременно обладает свойствами, которые присущи обоим противоположностям.

Второе замечание Оруджева, очевидно направлено против указанного возражения Вяккерова. Первое и второе замечание Оруджева относительно структуры предметного противоречия основаны на следующем рассуждении. «Поскольку конкретное тождество есть тождество различного, противоположного, то ясно, что (с точки зрения любой логики) между различными сторонами единого должно быть нечто общее. И поскольку речь идёт о диалектическом противоречии, существующим реально, а не о сравнении различных, не связанных друг с другом вещей, то внутренняя связь между противоположностями (тождественными между собой) не является мысленной, а представляет собой нечто реально существующее (процессы, вещи и т. д.) и отличающее по своим свойствам от каждой противоположности отдельно взятой» [Оруджев 1979: 228].

Заметим, что понятие «взаимопроникновение» у Ф.Ф. Вяккерова выражает такое свойство взаимодействующих противоположностей, как пространственную «совмещённость, неразрывность» противоположных сторон предметного противоречия. Тогда как понятие «посредствующие звенья», используемое З.М. Оруджевым, выражает некоторый элемент (звено) между противоположностями предметного противоречия, причём этот элемент имеет свойства, присущие как первой, так и второй противоположностям. Так, имея в виду указанный пример, мелкая буржуазия имеет общее свойство с капиталистом (быть собственником средств производства) и с пролетарием (выполнять своими руками определённый труд).

Допустимо констатировать, что введение Ф.Ф. Вяккеревым понятие «взаимопроникновение» не прояснили ситуацию относительного надёжного определения предметного противоречия, а еще больше ее запутало, так как он использовал для обоснования своей позиции цитаты классиков, которые сами надо прояснять.

Наконец, отметим, третью точку зрения на проблему предметного противоречия, которая обсуждалась в работах [Ильенков 1979, Ильенков 1979а] и [Сорокин 1979, Сорокин 1979а]. Центральными понятиями при этом подходе считаются понятия «взаимопереход», «взаимопревращения» противоположностей. Этот подход всего скорее покоится на высказывании В.И. Ленина: «Диалектика есть учение о том, как могут и как бывают (как становятся) тождественными противоположности, — при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга» [Ленин 1973: 98]. Эта формулировка В.И. Ленина также использовалась и Вяккеревым, который, однако, иначе понимал ее. Напомним, что он ее ис-

пользовал для обоснования второго условия, т. е. чтобы противоположные стороны объекта были пространственно совмещены, нераздельны. Можно утверждать, что подход, предложенный Э.В. Ильенковым и А.А. Сорокиным, является некоторым аспектом в изучении предметного противоречия. Я описываю эту точку зрения на предметные противоречия лишь потому, что с ней связана одна из трактовок выражения «А и не А» (это выражение интерпретируется как суждение о переходе противоположностей), изложенная в указанных работах Э.В. Ильенкова.

Обсуждение определений предметного противоречия

В советской философской литературе существует около двадцати определений предметного противоречия. Я сосредоточил внимание на двух крайних подходах к определению предметного противоречия. Первый подход состоит в том, что понятие предметного противоречия вводится при помощи понятия «взаимоотрицание» и «взаимообусловленность», в то время, как согласно второму подходу, посредством этих понятий вводится понятие «противоположности», но не «предметного противоречия».

Но есть и другие подходы в понимании противоположностей и предметного противоречия. Например, Ф. Энгельс полагал, что парные категории, по меньшей мере, некоторые, являются главными противоположностями: «Тождество и различие — необходимость и случайность — причина и действие — вот главные противоположности» [Энгельс 1960: 531]. Напомню, что Гегель вводил понятие противоположность через понятия тождество и различие.

Некоторые советские философы считали, что имеются две формулировки закона единства и борьбы противоположностей. «...Энгельс формулировал важнейший закон диалектики как «закон взаимного проникновения противоположностей». Наша современная философская наука формулирует этот закон по-другому: «Закон единства и борьбы противоположностей». В главном советские философы пришли к этой формулировке под влиянием Ленина, говорившего о единстве противоположностей. ...В нашей литературе почти ничего не говорится о взаимном проникновении противоположностей, есть даже выступления против проникновения противоположностей» [Чертков 1975: 140–141].

Эти подходы я не рассматривал, хотя обратил внимание на несовпадающие позиции Вяккерера и Оруджева относительно термина «проникновения противоположностей».

В постсоветское время встречалась другая формулировка закона единства и борьбы противоположностей. Например, в учебнике «Философия» [Философия... 1999] этот закон формулируется так: «Закон единства и взаимодействия противоположностей», а не так как было прежде — «Закон единства и борьбы противоположностей». Модификации в понимании этого закона в постсоветское время я вообще не рассматривал. Очевидно, что тема диалектики, а вместе с ней тема законов диалектики стала скорее периферийной, не главной.

Как собственно проверить, выше рассмотренные определения?

В диалектическом материализме принималось в качестве основополагающего, в частности, такое утверждение Ф. Энгельса, которое он высказал в предисловии к «Анти-Дюрингу»: он полагал, что задача не в том, «чтобы внести диалектические законы в природу извне», а в том, «чтобы отыскать их в ней и вывести из нее» [Энгельс 1960: 12]. Это распространялось на изучение и общества.

Проверим эти определения на таком конкретном примере предметного противоречия как классы и классовая борьба в капиталистическом обществе. Этот пример конкретного предметного противоречия, можно сказать, был общепризнанным, не вызывал сомнений в советской философской литературе. Описание этого конкретного предметного противоречия я заимствую у П.А. Лежебокова, и придаю этому описанию более структурированную форму [Лежебоков 1981: 100].

Буржуазия и пролетариат, как противоположности, находятся в экономическом, политическом и идеологическом отношениях (взаимодействиях). В марксизме считается также, что политические и идеологические отношения являются отражением экономического отношения между противоположностями. В этих отношениях между данными противоположностями «обнаруживаются» [Маркс 1960: 67] некоторые свойства, присущие этим противоположностям. Представим эти свойства, присущие буржуазии и пролетариату, следующим образом. В экономической сфере отношения между буржуазией и пролетариатом «обнаруживаются» такие свойства: (а) буржуазия «борется за сохранение и усиления эксплуатации» (в целях экономического господства); пролетариат «борется против эксплуатации». В политическом отношении между пролетариатом и буржуазией обнаруживаются другие свойства: (б) буржуазия «борется за удержание политического господства (в целях экономического господства); пролетариат «борется против политического господства буржуазии». В идеологическом отношении между указанными противоположностями обнаруживаются такие свойства: (в) буржуазия «борется за господство буржуазной идеологии» (в конечном счёте, в целях экономического господства); пролетариат «борется против буржуазной идеологии».

Здесь молчаливо подразумевается диалектико-материалистическое положение, в соответствии с которым, познание вещей возможно лишь в отношении к другим вещам, а познание свойств противоположностей также возможно в отношениях одной противоположности к другой.

Если взаимодействующие (экономически, политически, идеологически) противоположности — буржуазия и пролетариат — обладают свойствами (а) — (б), тогда, говорят, они находятся в отношении взаимоотрицания, или буржуазия и пролетариат отрицают друг друга. Иными словами, данные конкретные противоположности находятся в конкретной форме взаимоотрицания, поскольку имеются конкретные отношения между ними, характерными только для этих противоположностей.

Перейду к частному случаю отношения взаимообусловленности данных противоположностей. Укажу следующие свойства, присущие буржуазии и пролетариату как противоположностям в едином, т. е. в рамках капиталистического способа производства. В экономическом отношении между буржуазией и пролетариатом, буржуазия обладает свойством «быть экономически господствующей»; пролетариат в этом отношении обладает свойством «быть экономически угнетённым». В политическом отношении буржуазия обладает свойством «быть политически господствующей»; пролетариат в этом отношении имеет свойство «быть политически угнетённым». И, наконец, в идеологическом отношении буржуазии присуще свойство «быть носителем буржуазной идеологии», пролетариату — «быть носителем пролетарской идеологии»

Указанные только что свойства, присущие буржуазии и пролетариату, можно представить как соотносительные, в том смысле, что, во-первых, эти свойства имеют место в пределах только данных отношений между буржуазией и пролетариатом (в кап. способе производстве), во-вторых, как только данные отношения разрушаются, исчезают и эти свойства, а вместе с ними и противоположности, обладающие этими свойствами.

Представим соотносительные понятия следующим образом.

В области экономических отношений: (а*) без экономического господства буржуазии нет экономического угнетения пролетариата (т. е. если буржуазия экономически не господствует, то пролетариат экономически не угнетён); и если пролетариат экономически угнетён, то буржуазия экономически господствует. Соотносительность свойств, представима и в такой форме: без экономического угнетения пролетариата, не имеет места экономическое господство буржуазии; и если буржуазия экономически господствует, то пролетариат экономически угнетён. Соотносительность этих свойств — от себя добавлю — можно свести к двум эквивалентным формулировкам: (а**) буржуазия экономически не господствует, если и

только если пролетариат экономически не угнетён; буржуазия экономически господствует, если и только если пролетариат экономически угнетён.

В сферах политических и идеологических отношений сразу остановлюсь на эквивалентных формулировках (имеется в виду то же единое: капиталистическое общество):

(б**) буржуазия политически не господствует, если и только если пролетариат политически не угнетён; буржуазия экономически господствует, если и только если пролетариат экономически угнетён.

(в**) буржуазии присуще свойство «быть носителем буржуазной идеологии», если и только если пролетариату присуще свойство — «быть носителем пролетарской идеологии»; буржуазии не присуще свойство «быть носителем буржуазной идеологии», если и только если пролетариату не присуще свойство — «быть носителем пролетарской идеологии»;

Теперь сопоставлю на данном примере различные определения предметного противоречия.

Те авторы, которые принимают определения предметного противоречия как отношения взаимообусловленности (взаимополагания) и взаимоотрицания (взаимоисключения), будут считать, что данный пример есть описание конкретного предметного противоречия. Те же авторы, которые в перечисленных терминах вводят понятие «противоположности» будут полагать, что этот пример представляет лишь описание примера противоположностей из социальной сферы, но не пример, попадающий под понятия предметного противоречия. Наконец те философы, которые понимают предметное противоречие как опосредованное единство противоположностей, не могут признать этот пример за описание конкретного предметного противоречия, поскольку в этом примере, по крайней мере, в явном виде не указано среднего звена, которое одновременно обладало бы свойствами, присущими обоим противоположностям — буржуазии и пролетариату.

Подведём итоги.

1) Несмотря на расхождение в трактовке предмета диалектической логики, все советские философы, занимавшиеся диалектической логикой, были согласны в том, что понятия «диалектические противоположности» и «диалектическое противоречие» надо включать в понятийный аппарат диалектической логики. Но, как оказалось, эти понятия понимались по-разному. Фактически при таком разбросе мнений в определениях основополагающих понятий диалектической логики, ставится под сомнение сама обоснованность диалектической логики.

Что касается соотношения диалектической логики и формальной логики, то на общепhilosophическом уровне высказывались две несовместимые точки зрения. Первая состояла в том, что диалектическая и формальная логика рассматривались как две различные, самостоятельные дисциплины. Однако сторонники диалектической логики полагали, что формальная логика является не лучшей частью диалектической логики. В качестве примера такой точки зрения приедем мнения весьма известного советского философа А.П. Шептулина: «...формальная логика, абстрагирующаяся от развития познания и внешнего мира, не в состоянии дать удовлетворительные знания закономерностей и форм следования одних суждений из других. А если это так, то почему она должна существовать наряду с диалектической логикой, которая, рассматривая все процессы мышления и отражаемого ими внешнего мира в развитии, преодолевает этот недостаток? Никакого объективного основания для существования формальной логики нет. Все, что делает формальная логика, может сделать гораздо лучше диалектическая логика» [Шептулин 1975: 176]. Такие утверждения вызывают вопросы у людей знающих хотя бы азы логики, например, что такое «знания закономерностей и форм следования одних суждений из других» в диалектической логике?

2) Анализ спора между сторонниками формальной и диалектической логики о собственно логических свойствах выражения «А и не А» в статье опущен, так как отмечалось

выше, для этого надо привлекать логическую технику релевантной логики Р. Раутли и логики направленности Р. Роговского.

Бирюков Б.В. 2003. Борьба вокруг логики в Московском университете в первое после- сталинское десятилетие (1954-1965). — *Логика и В. Е. К.: Сб. науч. тр.: К 90-летию со дня рождения проф. Войшивилло Евгения Казимировича.* — М.: Современные тетради.

Бородкин В.В. 1982. *Проблема противоречия в марксистской диалектике.* — М.: Наука.

Вяккерев Ф.Ф. 1979. Предметное противоречие и его теоретический «образ». — *Диалектическое противоречие.* — М.: Политиздат. — С. 59–77.

Вяккерев Ф.Ф. 1973. Сущность предметного противоречия и особенности его теоретического воспроизведения. — *Проблемы диалектики: Вып. III. Вопросы диалектико-материалистической теории противоречия.* — М. — С. 9–19.

Вяккерев Ф.Ф. 1979 а. Являются ли антиномии «образом» противоречия // *Диалектическое противоречие.* — М.: Политиздат. — С. 209–222.

Гегель Г.В.Ф. 1994. *Лекции по истории философии. Книга первая.* — Санкт-Петербург. Наука.

Гегель Г.В.Ф. 1971. *Наука логики.* В 3 т. Т. 2. — М.: Мысль.

Глаголева Э.Н. 1979. Истинны ли противоположные определения, входящие в научно-теоретические понятия. — *Диалектическое противоречие.* — М.: Политиздат. — С. 196–201.

Горбач В.И. 1972. *Проблемы диалектического противоречия.* — М.: Наука.

Горский Д.П. 1980. Диалектика отождествления нетождественного в процессе познания — фундаментальный закон познания. — *Актуальные проблемы логики и методологии науки.* — Киев: Наукова думка. — С. 38–50

Горский Д.П. 1978. Диалектика отождествления нетождественного в процессе познания. — *Диалектика научного познания. Очерк диалектической логики. Под общ. ред. Д.П. Горского.* — М.: Наука. — С. 105–133.

Горским Д.П. 1978а. Принципы диалектической противоречивости познания. — *Диалектика научного познания. Очерк диалектической логики. Под общ. ред. Д.П. Горского.* — М.: Наука. — С. 34–51.

Горский Д.П., Нарский И.С. 1978. О природе и сущности закономерностей диалектики познания как науки. — *Диалектика научного познания. Очерк диалектической логики. Под общ. ред. Д.П. Горского.* — М.: Наука. — С. 3–32.

Грязнов Б.С. 1982. *Логика, рациональность, творчество.* — М.: Наука.

Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. — М.: Из-во Академии наук СССР. 1960.

Ильенков Э.В. 1979. О материальности сознания и трансцендентальных кошках // *Диалектическое противоречие.* — М.: Политиздат. — С. 252–271.

Ильенков Э.В. 1979а. Проблема противоречия в логике. — *Диалектическое противоречие.* — М.: Политиздат. — С. 122–143.

Кайдалов В.А. 1973. Диалектическое противоречие и проблема корпускулярного дуализма. — *Проблемы диалектики: Вып. III. Вопросы диалектико-материалистической теории противоречия.* — М. — С. 68–78.

Карпович В.Н. 1984. *Системность теоретического знания, Логический аспект.* — Новосибирск: Наука.

Кедров Б.М. 1979. Неизбежно ли «огрубление» в процессе познания противоречия? Еще раз о научных дискуссиях. — *Диалектическое противоречие.* — М.: Политиздат. — С. 312–333.

- Кедров Б.М. 1979а. Противоречивость познания и познания противоречия. — *Диалектическое противоречие*. — М.: Политиздат. — С. 9–38.
- Копнин П.В. 1982. *Проблема диалектики как логики и теории познания*. — М.: Наука.
- Лазарев Ф.В. 1981. Информационные основы познавательного отражения. — *Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики. В 2 т. Т. 1*. — София.: Наука и искусство. — С. 184–201.
- Лежебоков П.А. 1981. *Диалектическое противоречие как закон познания*. — М.: Высш. школа.
- Лежебоков П.А. 1981. Проблема отражения в познании противоречивой природы действительности. — *Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики. В 2 т. Т. 1*. — София.: Наука и искусство. — С. 560–580.
- Ленин В.И. 1973а. Материализм и эмпириокритицизм. — *Полн. соб. соч. Т. 18*. — М.: Политическая литература.
- Ленин В.И. 1973. Философские тетради. — *Полн. соб. соч. Т. 29*. — М.: Политическая литература.
- Логика диалектическая... 1964. Логика диалектическая. — *Философская энциклопедия в 5 т., Т. 3*. — М.: Советская энциклопедия. — С. 209–221.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1960. *Соч. 2-е изд. Т. 1*. — М.: Политическая литература.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1960. *Соч. 2-е изд. Т. 20*. — М.: Политическая литература.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1960. *Соч. 2-е изд. Т. 23*. — М.: Политическая литература.
- Материалы XXVII съезда КПСС... 1986. *Материалы XXVII съезда КПСС*. — М.: Политиздат.
- Нарский И.С. 1973. Способы трактовки антиномических противоречий. — *Проблемы диалектики. Вып. III. Вопросы диалектико-материалистической теории противоречия*. — М. — С. 120–126.
- Оруджев З.М. 1979. Опосредование и развитие противоречий. — *Диалектическое противоречие*. — М.: Политиздат. — С. 223–232.
- Оруджев З.М. 1979а. Формально-логическое и диалектическое противоречие. Различие структур. — *Диалектическое противоречие*. — М.: Политиздат. — С. 78–95.
- Петров Ю.А. 1978. Диалектика отображения движения в научных понятиях и теориях. — *Диалектика научного познания. Очерк диалектической логики. Под общ. ред. Д.П. Горского*. — М.: Наука. — С. 416–454.
- Поппер К. 2004. Что такое диалектика?. — Поппер К. *Предположения и опровержения*. — М. — С. 515–555.
- Порус В.Н. 1979. Диалектическое противоречие и принцип отражения. — *Диалектическое противоречие*. — М.: Политиздат. — С. 156–179.
- Порус В.Н. 1979а. Не «разлучать», а различать... — *Диалектическое противоречие*. — М.: Политиздат. — С. 272–285.
- Программа КПСС... 1972. *Программа КПСС*. — М.: Политиздат.
- Противоположности... 1983. Противоположности. — *Философский энциклопедический словарь*. — М.: Советская энциклопедия. — С. 543.
- Пятницин Б.Н. 1984. *Об активности модельного познания*. — М.: Наука. — С. 121–150.
- Сорокин А.А. 1979. О понятии противоречия в диалектике. — *Диалектическое противоречие*. — М.: Политиздат. — С. 96–121.
- Сорокин А.А. 1979а. О разрешении противоречия в диалектике. — *Диалектическое противоречие*. — М.: Политиздат. — С. 301–311.
- Стещенко Н.И. 2017. *Анализ спора между диалектической и формальной логикой о гносеологических и логических свойствах выражения «А и не А» (70–80-е годы XX века)*. Монография. — Ростов-на-Дону-Таганрог: Изд-во ЮФУ.

Философия... 1999. *Философия*. Под редакцией профессора Жукова. Издание 4-е, исправленное дополненное. — Минск. НТЦ «АПИ».

Чертков В.П. 1975. Ф. Энгельс и некоторые вопросы диалектики. — *Развитие Ф. Энгельсом проблем философии и современность*. — М.: Высшая школа. — С. 140–147.

Шептулин А.П. 1983. Противоречие. Закон единства и борьбы противоположностей. — *Марксистско-ленинская диалектика. В 10 кн. Кн. 1. Материалистическая диалектика как научная система*. — М.: Из-во Моск. ун-та.

Шептулин А.П. 1975. Энгельс о соотношении диалектической и формальной логики // *Развитие Ф. Энгельсом проблем философии и современность*. — М.: Высшая школа. — С. 169–179.

Шинкарук В.И. 1980. Философия и наука. — *Актуальные проблемы логики и методологии науки*. — Киев. — С. 10–20.